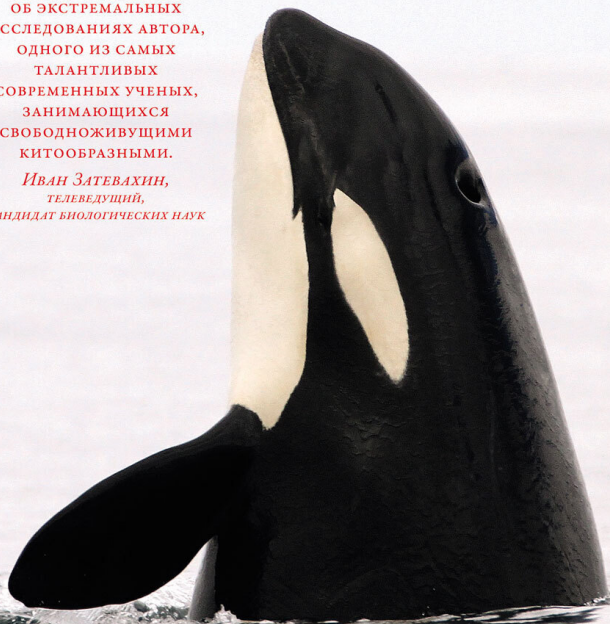

Обратно, возможны косатки

ЭТО УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ КНИГА,
РАССКАЗЫВАЮЩАЯ
ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ АВТОРА,
ОДНОГО ИЗ САМЫХ
ТАЛАНТЛИВЫХ
СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ
СВОБОДНОЖИВУЩИМИ
КИТООБРАЗНЫМИ.

Иван Затевахин,
телеведущий,
кандидат биологических наук

О Л Ъ Г А   Ф И Л А Т О В А

Ольга Филатова
Облачно, возможны косатки
Серия «Животные (Альпина)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67099776
Облачно, возможны косатки: Альпина нон-фикшн; Москва; 2022
ISBN 9785001396185

Аннотация

Исследования последних десятилетий показали, что пропасть между психикой человека и психикой животных гораздо меньше, чем кажется. Порой речь идет и не о пропасти даже, а так – о небольшом зазоре. И в первую очередь это относится к таким животным, как косатки, – далеким от нас эволюционно и по образу жизни, но близким по интеллекту и социальности. Как же живут и общаются между собой эти морские млекопитающие? Можем ли мы понять их язык? Как они строят свои семьи? Чем различаются рыбацкие и плотоядные косатки? Едва ли кто-то может рассказать об этом увлекательнее и авторитетнее, чем Ольга Филатова, биолог, специалист в области акустической коммуникации млекопитающих и поведения китообразных. Вместе с ней и ее коллегами читатель отправится на Камчатку, Чукотку, Командорские острова, где ведутся исследования китов, будет наблюдать за ходом трудных и захватывающих экспедиций, узнает, как началась и завершилась история отловов косаток в

России и какую роль в борьбе с незаконным отловом сыграли ученые.

Содержание

Пролог	7
Как все начиналось	12
Сорока годами ранее	24
Наши первые находки	35
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ольга Филатова

Облачно,

ВОЗМОЖНЫ КОСАТКИ

Научный редактор *Иван Затевахин, канд. биол. наук*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Тарасова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Иллюстрация на обложке О. Филатова

© Филатова О., 2021

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого элек-

тронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Пролог

Повсюду, сколько хватает глаз, выныривают косатки. Можно повернуться в любом направлении, досчитать до десяти, и за это время на поверхности непременно появятся черные треугольнички плавников. Они движутся в разные стороны, то быстрее, явно торопясь занырнуть, то медленнее, отдыхая после активной погони. Здесь их не меньше сотни, и все они пришли сюда, в мелководную бухту Грюндарфьордур на западном побережье Исландии, с одной и той же целью: наестся сельди. Сельдь заходит в исландские фьорды на зимовку, чтобы переждать долгие холодные и голодные месяцы с минимумом затрат энергии, не борясь с океаническими течениями, в спокойной, тихой бухте. Это отличная стратегия, которая оправдывала себя миллионы лет – ровно до тех пор, пока о ней не прознали хитроумные косатки.

Сельдь – относительно мелкая рыбка, чуть больше 30 сантиметров длиной; казалось бы, это не слишком подходящая добыча для огромного морского хищника. Но у этой рыбки есть два преимущества: во-первых, сельдь держится огромными стаями, а во-вторых, она очень жирная, а косатки любят жирную пищу. Чтобы не гоняться за рыбешкой весь день напролет, эти хитрецы придумали особую уловку – они заплывают в косяк сельди и резко бьют хвостом, издавая под водой громкий хлопок. Этот мощный звук оглушает всю ры-

бу, оказавшуюся поблизости, и селедки всплывают на поверхность, дезориентированные и совершенно беззащитные перед хищниками, которые спокойно собирают их одну за другой, как ягоды земляники.

С борта нашей лодки – шестиметрового оранжевого РИ-Ба¹ под названием «Танго» – в воду свисает провод. На конце его, скрытый толщей мутной воды, покачивается гидрофон – подводный микрофон, который записывает звуки косаток. Во время охоты они постоянно вокализуют, и мои наушники вибрируют от их пронзительных криков – не таких, как те, к которым я привыкла на Камчатке, и все-таки очень похожих на них. Лишь один звук явно выбивается из общего ряда – это так называемый «загонный крик», который косатки издают непосредственно перед ударом хвоста, когда глушат сельдь. Он очень долгий и монотонный, больше похожий на какой-то механический звук, и характерен именно для исландских косаток – даже их норвежские сородичи, которые тоже охотятся на сельдь и глушат ее хвостами, «загонный крик» не используют.

Пока мы слушаем звуки, одна группа косаток решительно движется мимо нас – похоже, они уже наелись и собрались на выход. Внутри фьорда животные смешиваются, и разобраться, кто с кем, совершенно невозможно, но приходят и уходят они организованными группами, и это дает шанс иссле-

---

¹ От английского *Rigid Inflatable Boat* – надувная лодка с жестким неразборным дном.

довать их социальные связи. Мы вытягиваем из воды гидрофон и пускаемся в погоню. Догнав удаляющихся косаток, наша лодка заходит так, чтобы сфотографировать их с левого бока. Когда-то канадские исследователи, создавая свой каталог, выбрали именно такие фотографии – потому что их было больше, и вот 40 лет спустя мы продолжаем следовать традиции. Косатки выходят синхронно, демонстрируя нам свои графичные профили, и фотоаппарат щелкает очередями, торопясь запечатлеть эту красоту и самое главное в ней для нас – форму седловидного пятна и спинного плавника, царапины и шрамы, по которым мы различаем животных.

Через несколько серий выныриваний я замечаю нечто странное. Одна самка выходит впереди остальных, и мне начинает казаться, что перед ее головой в воде что-то есть. Присматриваюсь внимательнее – и действительно, каждый раз, когда она выныривает, поверхность воды перед ней прорекает некрупный темный предмет. Совсем небольшой по сравнению с взрослой косаткой. Она толкает его вперед снова и снова, будто бы не в силах расстаться с ним. Она действительно не в силах, ведь этот предмет – ее мертвый ребенок.

Мы идем параллельно группе на достаточном расстоянии, чтобы не беспокоить косаток своим назойливым присутствием. Группа догоняет осиротевшую мать, и вот она уже выныривает среди своих, но с прежним упорством продолжает толкать перед собой трупик детеныша. Остальные не об-

рацают на нее внимания. Как давно самка делает это, если члены группы уже воспринимают ее поведение как нечто само собой разумеющееся? Когда она ела в последний раз, если не может оставить мертвого малыша даже на минуту?

Мы выходим за мыс, укрывающий бухту от порывов ветра, и лодка бьется о выросшие волны, которые обрушивают на нас тучи соленых брызг. В этот момент налетает снежный заряд, густыми хлопьями скрывая не такой уж далекий берег, и мы оказываемся посреди взрытого ветром свинцового моря и вихря из летящего в лицо колючего снега. Косатки уходят, нам пора возвращаться. Пока мы пробиваемся назад, прыгая с волны на волну, я думаю о матери-косатке, все еще несущей перед собой своего мертвого ребенка.

Это далеко не первый случай, когда самка китообразного не может расстаться с телом погибшего детеныша. Джованни Беарци с соавторами опубликовали обзор, в котором перечислено несколько десятков таких случаев, описанных в научной литературе с 1970 по 2016 год. Чаще всего за этим замечали представителей семейства дельфиновых, к которому относится и косатка. Уже после этой публикации, в 2018 году, в водах южнее острова Ванкувер наблюдался еще один такой случай, попавший в колонки мировых новостей, – самка косатки по имени Тэлекуа носила своего мертвого детеныша в течение 17 дней. Что они испытывают при этом, что движет ими – инстинкт или материнское горе? Раньше ответ на этот вопрос был однозначным – подобное поведение у че-

ловека интерпретировали как проявление нашего богатого внутреннего мира и развитой психики, а у животных – как результат бездумного следования инстинктам. Но исследования последних десятилетий показали, что пропасть между психикой человека и психикой животных гораздо меньше, чем кажется, а порой это вовсе и не пропасть, а так – небольшой зазор. И в первую очередь это относится к таким животным, как косатки, – далеким от нас эволюционно и по образу жизни, но близким по интеллекту и социальности.

Как все начиналось

Подобно астрономам, исследующим небеса в поисках неоткрытых звезд, они осматривают мерцающую водную гладь в надежде заметить треугольные спинные плавники. Это занятие и захватывает, и приносит разочарования.

ДИАНА РЕЙС. «ДЕЛЬФИН В ЗЕРКАЛЕ» (DOLPHIN IN THE MIRROR)

Черный плавник, взрезающий поверхность воды, – образ, близкий каждому, кто занимается изучением китообразных. Мы редко видим объекты своих исследований целиком – только когда они совершают акробатические прыжки или подходят к лодке так близко, что удастся разглядеть их сквозь воду. Поэтому косатки для нас – это прежде всего черные треугольники спинных плавников. Они мелькают на фотографиях, стоят перед глазами после длинного рабочего дня и снятся по ночам.

Работа ученого-китоведа мало похожа на романтические фантазии, которыми окружают эту профессию журналисты и создатели фильмов о дикой природе. Долгие дни на воде и томительное ожидание погоды на берегу, пробирающий до костей холод и слепящее до головной боли солнце, часы и дни безуспешных поисков и непреходящее ощущение, что ты постоянно упускаешь что-то важное в наблюдениях, – вот

из чего складывается ежедневный труд исследователя китов. Лишь изредка рутину скрашивает ни с чем не сравнимая радость маленьких открытий, познания того, что никто до тебя еще не видел и не описал.

Те, кто с детства мечтает о китах, редко становятся учеными. В лучшем случае они вырастают в ветеринаров или тренеров дельфинов, а чаще всего просто растворяются в мирской суете и лишь изредка с ностальгией вспоминают о былом увлечении. Большинство известных мне китоведов пришли в эту профессию через что-то еще. Так было и со мной.

У меня никогда, вплоть до самой первой встречи, не было особой тяги к косаткам, а детским увлечением были представители семейства собачьих – волки, шакалы, койоты, гиеновые собаки и все остальные. Эта склонность привела меня на рубеже веков на остров Медный в составе экспедиции МГУ им. Ломоносова, занимавшейся изучением редкого медновского подвида песца.

На Медном нет постоянных жителей, и песцы там почти не боятся людей – за ними можно наблюдать буквально на расстоянии вытянутой руки, а особо назойливых приходится даже отгонять вежливыми пинками, чтобы они из природного любопытства не прокусили наблюдателям сапоги. Песцов там немного – всего около сотни, и почти каждый из них носит в ухе специальную метку, по которой можно определить, где он родился, когда создал семью, и проследить прочие интимные подробности его жизни.

На Медном и произошла моя первая встреча с косатками. Точнее, встречей это назвать сложно – косатки даже не подозревали о моем присутствии, а для меня они были маленькими черными треугольничками в окуляре бинокля. Мне подумалось тогда: как, должно быть, сложно изучать этих животных, таких трудноуловимых в бескрайних морских просторах. В жизни вообще часто бывает, что кажущееся сложным оказывается простым, а непредвиденные сложности возникают, казалось бы, на пустом месте.

Основная проблема при работе на Медном, как и в других удаленных точках нашей страны, – это транспорт. Рейсового сообщения там нет, а средствами для аренды судна или тем более вертолета наша экспедиция не располагала. Чтобы добраться до Медного и выбраться с него, приходилось ненавязчиво «садиться на хвост» представителям другой, более богатой экспедиции, занимавшейся изучением сивучей. Но и у них порой случались накладки, связанные с другой основной проблемой работы на Медном – погодой.

Нас должны были забрать с острова вертолетом в начале августа. Но, как назло, погода, нередко баловавшая нас солнышком в июле, в августе надолго испортилась: Медный накрыло туманом. Дважды в сутки наши коллеги расчехляли старенькую коротковолновую рацию лишь для того, чтобы получить очередной «отбой». Только три недели спустя мы наконец услышали долгожданное гудение винтов. В Петропавловске-Камчатском мы оказались в двадцатых числах ав-

густа, и эта задержка послужила причиной смены моей научной ориентации, поскольку в те дни как раз проходила подготовка экспедиции по изучению косаток в Авачинском заливе, и в нее требовались волонтеры.

Идея исследования косаток в России возникла за несколько лет до этого во время исторической встречи трех «родителей» проекта – американско-канадско-британского писателя Эриха Хойта, российского ученого Александра Бурдина и японской любительницы китов Харуко Сато. Но тогда я ничего об этом не знала. С Александром Михайловичем мы были едва знакомы, с Харуко, на американский манер сокращавшей свое имя до Хэл, мы впервые встретились за несколько дней до старта экспедиции, а с Эрихом познакомилась лишь два года спустя.

Кроме Бурдина и Хэл, в экспедиции принимала участие моя однокурсница Карина, специально выписанная для этой цели из Москвы. В отличие от меня, она всегда хотела заниматься китообразными и успела уже сделать курсовую работу по поведению белух в московском дельфинарии. Вторым волонтером поехал студент Сергей, который вместе со мной только что вернулся из медновской песцовой экспедиции. «Драйвером», т. е. водителем лодки, стал сотрудник Камчатрыбвода Николай Павлов – жизнерадостный охотовед, неутомимый турист, душа любой компании, впоследствии не раз помогавший нам в наших китологических изысканиях.

Через пару недель, проведенных в сборах и приготовлениях, мы высадились на маленьком, засиженном чайками островке, расположенном чуть южнее ворот в Авачинскую губу. Сейчас этот остров стал весьма популярен, и в разгар сезона его акватория буквально кишит катерами и ботами с жаждущими приобщиться к природе туристами, а в те годы редкими посетителями были лишь бичеватые рыбаки на моторных лодках, базировавшиеся в бухте напротив.

Мы заселились в полусгнившую хибару, неизвестно кем, когда и для чего построенную. Возможно, ее происхождение было связано с автоматическим маяком на вершине острова, поскольку от него к хибаре сквозь травяные джунгли и непролазные заросли ольхи тянулись какие-то полусасыпанные землей кабели. Сейчас там стоит новый современный маяк, работающий на солнечных батареях, а в те годы в центре острова располагался РИТЭГ – радиоизотопный термоэлектрический генератор. В советское время РИТЭГи широко использовались для питания автоматических маяков, но из-за возможности радиоактивного загрязнения были довольно опасны. Мы старались обходить его стороной.

Остров называется Стáричков в честь птиц-стáриков, которые гнездятся на обрывистых склонах. Но самые заметные его обитатели – тихоокеанские чайки, заполняющие все акустическое пространство пронзительными склочными криками, а также деловитые топорки с огромными яркими клювами. Топорки кружат над островом, как пчелы над ульем;

в полете каждый из них выглядит так, будто спешит по какому-то очень важному делу, но, если проследить за птицей взглядом, нередко выясняется, что она просто летает кругами.

Стариков днем не увидишь – они либо в море, либо тихо сидят на гнездах, зато в сумерках у них начинается веселье. Их колония располагалась как раз над нашим жилищем, и по вечерам казалось, что там происходит какой-то гномий праздник: невидимые в темноте существа шуршали, шумели, переговаривались, перелетали туда-сюда. А в конце июля у них начинался сход птенцов. Птенцы стариков сходят на воду вскоре после вылупления, ночью, чтобы не попасть на зуб (точнее, в клюв) прожорливым чайкам. Происходит это так: родители слетают на воду и начинают звать птенца звонкими чирикающими свистами, и он бежит на зов, непрерывно отвечая им, чтобы не потеряться. Время от времени птенцы по ошибке забегали в нашу хибару, и мы бережно относили их к воде.

Вершина острова Старичков почти плоская и покрыта травой в человеческий рост, процветающей на отходах жизнедеятельности бесчисленных чаек. Но добраться до вершины не так-то просто – приходится лезть по крутому склону, да еще вызывая этим активное неодобрение птичьего населения. Топорки в целом довольно безобидны – максимум могут с перепугу упасть на голову, от неожиданности неловко стартанув в воздух. Зато чайки – настоящая напасть: они с

возмущенными криками кружатся над тяжело пыхтящим, с трудом карабкающимся по склону человеком, стараются нагадить ему на голову, а особо агрессивные могут даже ударить клювом в макушку.

На следующий день после заброски мы впервые залезли на вершину и выбрали наблюдательную точку на мысу. Смотрит он ровно на восток, но Сергей, решительно взявший на себя руководство наземными наблюдениями, назвал его «мыс Северный». С него наблюдатели должны были в бинокль обзирать акваторию и по радиии сообщать лодочной команде о появлении косаток. Команда эта, в которую входили Хэл, Бурдин, Коля и кто-то из студентов, обшаривала окрестные бухты или просто болталась в море, ожидая сигнала сверху.

Болтанка в дрейфе оказалась нелегким испытанием для сухопутных студентов, и привычные к качке морские волки поглядывали на нас с легким сочувствием и брезгливостью. В итоге меня стали брать в лодку чаще, чем Карину, так как меня меньше укачивало – возможно, потому что у меня за плечами было уже два морских перехода с Камчатки до Медного. Во время первого из них я сутки не вылезала из койки, и, когда мы наконец встали под берегом острова – стильной громады из заснеженных скал, мне так хотелось на сушу, что даже необходимость карабкаться по этим скалам с огромным рюкзаком на горбу не слишком смущала. Из-за сильного наката мы не смогли тогда высадиться там, где обычно, – под

удобной деревянной лестницей, ведущей на 70 метров вверх от уреза воды к домикам, и нам пришлось штурмовать трехсотметровые скалы с противоположного берега, но по сравнению с морской качкой это показалось мне приятной прогулкой. Год спустя тот же морской переход дался уже значительно легче и послужил неплохой тренировкой вестибулярного аппарата перед косаточьей экспедицией.

Седьмого сентября нам наконец улыбнулась удача. Сначала Сергей с Кариной сообщили сверху, что наблюдают косаток, идущих от мыса Опасного к нашему острову. Наконец-то я увижу их вблизи! Лодка запрыгала с волны на волну, неторопливо, как мне тогда казалось, продвигаясь в сторону предполагаемого местоположения группы. Пройдя немного в сторону Опасного, мы снова вызвали по рации наблюдателей:

– Боцман-семь – Боцману-восемь! Где косатки?

Позывные «Боцман» принадлежали Камчатрыбводу, и Коля Павлов предложил их использовать в нашей экспедиции, чтобы у прослушивающих эфир пограничников не возникало лишних вопросов.

– Боцман-восемь – Боцману-семь! Косатки уже прошли мимо вас, они сейчас между вами и островом!

Мы развернулись и помчали обратно. Несколько напряженных минут, когда мы не отрывали взгляда от горизонта и в то же время старались не выпасть из лодки, и вот наконец долгожданный черный плавник мелькнул между волн. Взре-

вел мотор, и мы понеслись вперед. Плавник исчез под водой.

Добравшись до места, где он только что был виден, мы остановились и начали осматриваться. Вскоре чуть поодаль, в нескольких сотнях метров от нас, вынырнула еще пара косаток, а затем и еще тройка недалеко от них. Медленно, чтобы не спугнуть животных, мы двинули в ту сторону. На этот раз нам повезло – к косаткам удалось подойти достаточно близко и сфотографировать их, прежде чем они исчезли в волнах. Тогда все они были для нас на одно лицо, но теперь мы знаем, что в первый день нам встретились семьи Гусли и Кармен – завсегдатаи Авачинского залива. В семье Гусли тогда было четыре косатки: самка Гусли, два самца и подросток, а в семье Кармен – три: взрослая самка (мама Кармен), подросток Кармен и ее младшая сестра.

Косатки шли чуть поодаль друг от друга, выныривая то тут, то там, так что и нам приходилось перемещаться туда-сюда от одной к другой. После нескольких подходов Александр Михайлович решил сделать перерыв, остановил лодку, и Хэл начала доставать гидрофон, чтобы записать подводные звуки. Я к тому времени уже считала себя матерым биоакустиком, так как успела защитить курсовую работу по звукам песцов и все лето записывала их, чтобы собрать материал для диплома. Подводные звуки косаток казались мне еще более увлекательными, так что я сразу же полезла помогать Хэл с оборудованием, что оказалось весьма кстати: одному человеку и фотографировать, и записывать зву-

ки довольно неудобно, так что к концу нашей коротенькой экспедиции обязанность заниматься гидрофоном постепенно перешла ко мне. В тот первый раз нам не особенно повезло – мы записали всего лишь несколько далеких криков и при этом потеряли косаток, которые за время нашей остановки успели уйти и скрыться, так что даже наблюдатели с мыса не смогли их снова обнаружить. Но начало было положено.

В последующие дни мы снова и снова встречали косаток и учились взаимодействовать с ними. Никто из команды не имел опыта работы с этими животными в море. Вообще-то, предполагалось, что основным специалистом по косаткам в экспедиции будет Хэл: еще при самой первой встрече Бурдин сообщил нам, что она работала с косатками в Британской Колумбии и поэтому будет нами руководить. Но получилось у нее как-то не очень, и впоследствии выяснилось, что весь опыт Хэл сводился к волонтерству в лаборатории Пола Спонга «Оркалаб», где ее функции ограничивались наблюдениями с берега и прослушиванием звуков со стационарных гидрофонов, установленных на дне моря в разных местах неподалеку от лаборатории. В море все выглядит совершенно иначе, да и условия работы здесь и даже поведение камчатских косаток существенно отличались от условий работы и поведения косаток в Канаде.

Первое время при работе с косатками меня не оставляла легкая паника, но не из-за присутствия огромных хищников,

а из-за бешеного темпа работы. Лодка прыгает по волнам, на носу с огромным фотоаппаратом скачет Хэл, поминутно рискуя вывалиться за борт, фотоаппарат щелкает сериями, так что 36 кадров пленки (да-да, мы снимали тогда на пленку!) улетает за несколько минут, и нужно вовремя подавать ей новые катушки, принимать отснятые, наклепать на них заранее подписанный стикер и заполнять форму, напечатанную на листе А4, которую то сдувает ветром, то заливает солеными брызгами.

До этой экспедиции косатки были для меня тем же, чем для большинства людей, – крупными, опасными и загадочными морскими хищниками. Но их особая, ни с чем не сравнимая харизма сразу меня покорила. В результате тема моего диплома внезапно поменялась со звуков песцов на звуки косаток, так что вместо одной Карины проект обзавелся аж двумя студентами, жаждущими обрабатывать небогатый по первому времени материал.

Его скудость, впрочем, с лихвой компенсировалась глубиной поставленных задач, поскольку косатки оказались настоящим кладом научных проблем и загадок природы, а их изучение в российских водах ограничивалось случайными наблюдениями и описанием содержимого желудков. У проекта были большие перспективы, поэтому следующим летом мы снова отправились за девять часовых поясов на восток, к холодному серому морю, в те места, без которых нам уже сложно было представить свою жизнь. Но если в первый год

мое участие в экспедиции было случайностью, то теперь у меня имелась четкая программа действий, вдохновленная штудированием статей.

Сорока годами ранее

Косатки – самые удивительные животные из всех, что обитают сейчас на нашей планете.

РОБЕРТ ПИТМАН

В 1964 году канадский скульптор Сэмюэл Бюррич получил от Ванкуверского аквариума заказ убить косатку и слепить с нее модель в натуральную величину. Просидев пару месяцев на острове Сатурна, он дождался-таки момента, когда косатки подошли близко к берегу, и выстрелил в молодую особь из гарпунной пушки, ранив, но не убив ее. Два других кита немедленно поднырнули под оглушенного сородича, подталкивая его к поверхности, чтобы он мог дышать. Затем раненая косатка пришла в себя и стала пытаться освободиться. Она прыгала, била хвостом и издавала пронзительные крики. Скульптор спустил на воду небольшую лодку, чтобы завершить дело. Он несколько раз выстрелил в косатку из винтовки. Позднее он говорил репортерам, что «минимум два раза» попал в животное. Но косатка не умерла.

Вскоре из Ванкувера прибыл директор аквариума и решил взять косатку живой. За льня, привязанный к гарпуну, засевшему в его спине, животное отбуксировали в Ванкувер и поместили в сетчатый вольер. Поначалу к ней относились как к опасному хищнику, но вскоре выяснилось, что это мир-

ное и даже дружелюбное создание.

Долгое время Моби Долл, как ее называли, ничего не ела. Ей предлагали всевозможные лакомства – от живого лосося до конского сердца, но косатка лишь кружила днем и ночью по бассейну в одном и том же направлении. На пятьдесят пятый день пребывания в неволе Моби Долл прервала свой пост, начав есть по 200 фунтов рыбы в день, и почти сразу стала более активной. Но она все еще не выглядела здоровой. Из-за низкой солености воды в гавани у нее развилась кожная болезнь, к тому же, казалось, она страдала от истощения. Через месяц после того, как косатка начала есть, она умерла.

Сообщение о смерти Моби Долл облетело газеты всего мира. Лондонская «Таймс» отвела под некролог две полосы. «Ридерз Дайджест», «Лайф» и многие другие издания также опубликовали статьи о смерти косатки. Вскрытие добавило к этой истории любопытный эпилог: Моби Долл оказалась Моби Диком – самцом, а не самкой.

Шумиха вокруг Моби положила начало изменениям в общественном мнении. Из опасных хищников косатки превратились в этаких морских панд, любимцев публики. Теперь вместо того, чтобы стрелять в них, их стали ловить для океанариумов. Менее чем за десять лет в водах Британской Колумбии было выловлено около пятидесяти косаток. Поначалу это никого не беспокоило – эксперты оценивали численность этих животных в несколько тысяч особей, поэтому казалось, что в отлове нескольких десятков нет ничего страш-

ного. Но в начале 1970-х годов под давлением общественности Департамент морей и океанов решил наконец выяснить, сколько же косаток обитает в водах вокруг острова Ванкувер на самом деле.

Эта задача легла на плечи Майкла Бигга – руководителя лаборатории морских млекопитающих, который в то время занимался в основном тюленями. Он не очень представлял, как подойти к этой проблеме, и для начала решил просто посмотреть на объект поближе. Выйдя в море и встретив косаток, Майкл и его коллеги занялись тем, что делают в такой ситуации 99 процентов человечества, – фотографированием. Поначалу они снимали просто для себя, но, рассмотрев фотографии поближе, поняли, что узнают многих животных. Форма спинного плавника и находящегося за ним светло-серого седловидного пятна может сильно различаться у разных особей, как и многочисленные естественные метки – царапины и шрамы на коже и зарубки на заднем крае спинного плавника. Так родился метод фотоидентификации косаток.

Сама по себе идея узнавать животных по естественным меткам была не нова. Еще в 1930-х годах Конрад Лоренц различал своих серых гусей по особенностям окраски. Позже этот метод применяли для исследования зебр, жирафов и других крупных млекопитающих в Африке. Но на китах его стали использовать только в 1970-х годах – сначала на горбачах, которые вежливо показывают наблюдателям свои исключительно разнообразные черно-белые хвосты перед каж-

дым глубоким погружением, и на гладких китах, головы которых покрыты характерными светлыми наростами. А задолго до ученых, еще в XIX веке, китобои Идена узнавали дружелюбных косаток по зарубкам на плавниках². Но Майкл Бигг был первым, кто сумел систематизировать идентификацию косаток.

Чтобы как-то оценить численность вверенной ему популяции, он придумал такую методику: разослал 16 000 опросников рыбакам, маячникам и прочим людям, работавшим в водах и на побережье Британской Колумбии, чтобы они в один и тот же день – 26 июля 1971 года – зафиксировали все свои встречи с косатками. В результате оказалось, что косаток в этом регионе всего около 200–250 штук – значительно меньше, чем полагали прежде. Такие же переписи в последующие два года и работы по фотоидентификации подтвердили эту оценку. В 1976 году Бигг представил начальству свой отчет, в котором рекомендовал ограничить отлов ввиду малочисленности животных в регионе.

Отлов запретили, но одновременно с этим прекратилось финансирование работ по косаткам, и Биггу поручили вновь заниматься тюленями и морскими львами. Однако косатки так запали ему в душу, что он уже не мог остановиться и продолжал работы в свободное время на собственные сред-

---

² Визуальной идентификацией дельфинов по естественным маркерам – окраске и шрамам на теле и плавниках – в нашей стране с середины 1970-х гг. занимались А. В. Яблоков и В. М. Белькович с соавторами. – *Прим. науч. ред.*

ства (а иногда и в рабочее время на деньги, выделенные на исследования тюленей). На протяжении многих лет Майкл и его коллеги фиксировали даты рождения, смерти, объекты питания, социальные связи косаток. Благодаря его усилиям была собрана одна из самых подробных баз данных, а косатки Британской Колумбии до сих пор остаются самыми изученными в мире китообразными.

Одно из главных открытий, сделанных Биггом в ходе его исследований, – это существование двух разных экотипов. Раньше косаток традиционно считали безжалостными хищниками, пожирающими все живое на своем пути. Но Майкл и его коллеги выяснили, что на самом деле они очень разборчивы в еде. Чаще всего исследователям встречались рыбаодные косатки, предпочитающие кормиться лососем. Они путешествовали большими дружными семьями, состав которых оставался стабильным из года в год. Некоторые семьи появлялись в бухтах и проливах так регулярно, что их стали называть резидентными. Но время от времени ученые встречали в тех же районах совсем других косаток, которые непредсказуемо появлялись и исчезали, за что их прозвали транзитными.

Понадобилось несколько лет тщательных наблюдений, прежде чем выявилось ключевое различие между резидентными и транзитными косатками. Оказалось, что транзитники, в противоположность резидентам, – самые настоящие хищники, они питаются тюленями, дельфинами и даже на-

падают на крупных китов. Поначалу ученые решили, что транзитные косатки – это изгнанники из резидентных групп. Но впоследствии выяснилось, что они относятся к отдельному экологическому типу, который специализируется на питании морскими млекопитающими. Они различаются даже внешне – формой спинного плавника и седловидного пятна. У транзитных косаток спинной плавник более треугольный и заостренный, а у резидентных чаще серповидный и слегка закругленный на верхушке. У резидентных косаток седловидное пятно может быть разной формы, нередко с вырезами, которые у отдельных особей могут занимать большую часть пятна и порой имеют довольно причудливые очертания. У транзитных косаток седловидное пятно обычно цельное, без вырезов, и, как правило, более крупное, чем у резидентных.

Рыбоядные резиденты и плотоядные транзитники обитают в одних и тех же районах, но никогда не общаются. За несколько десятилетий работы с косатками в водах острова Ванкувер ученые ни разу не видели, чтобы косатки разных экотипов приближались друг к другу, более того, транзитники нередко явно избегали встречи с резидентами. Генетический анализ подтвердил результаты наблюдений, показав, что в природе рыбоядные и плотоядные косатки не скрещиваются.

Это неудивительно, поскольку косатки разных экотипов различаются не только пищевыми предпочтениями, но и по-

ведением и структурой групп. Связано это прежде всего с особенностями жертв. Тюлени, дельфины и киты обладают хорошим слухом и развитым интеллектом, поэтому они могут по звукам издали обнаружить хищников. Чтобы этого не произошло, плотоядные транзитники чаще всего молчат и ходят небольшими малозаметными группами. А лосось – добыча рыбацких кочек – не слишком умен и не слышит высокочастотные звуки, поэтому резиденты могут общаться в свое удовольствие, не рискуя при этом остаться без обеда. В отличие от плотоядных кочек, ходить большими группами им даже выгодно – рассредоточившись по акватории, такая группа может прочесывать обширный район в поисках рыбьего косяка, а уж когда обнаружит его, пищи хватит на всех. Это позволяет образовывать большие семьи с уникальной социальной структурой.

Рыбацкие резиденты – одни из немногих млекопитающих, у которых особи обоих полов всю жизнь остаются в той семье, в которой родились. Типичная семья – это старшая самка-бабушка, несколько ее сыновей и дочерей и дети дочерей. Нередко бабушка доживает и до появления правнуков, так как срок жизни кочек сопоставим с человеческим. Таким образом, взрослые самцы в группе – не «главы гарема», как считалось ранее, и даже не отцы присутствующих в ней детенышей, а их братья и дяди.

Самки рожают первенца в возрасте 10–15 лет, а следующих детенышей – с периодичностью примерно раз в пять лет.

В возрасте 40–45 лет самка перестает приносить потомство, но может прожить после этого еще лет 40, помогая дочерям и внукам воспитывать детей. Знания и опыт, накопленные бабушками за долгие годы жизни, способствуют благополучию всей семьи. Кроме того, старые самки приглядывают за своими взрослыми сыновьями. Самцы рыбадных косаток – настоящие маменькины сынки, даже в пожилом возрасте они сохраняют тесную связь с матерью. Когда матриарх умирает, ее дочери продолжают жить, становясь во главе собственных матрилий, а вот сыновья нередко погибают либо, если повезет, присоединяются к семье одной из своих сестер.

Впрочем, не все косатки – примерные семьянины. Средний размер группы плотоядных транзитных косаток – три особи, поэтому они не могут позволить себе, как рыбадные, всю жизнь оставаться с матерью. Остается обычно лишь старший сын, остальные уходят и живут одиночками, присоединяясь на несколько дней к той или иной группе. Самки остаются в семье до тех пор, пока не обзаведутся собственным детенышем, после чего уходят, чтобы основать новую группу.

Такие сильные различия и репродуктивная изоляция между обитающими в одном районе экотипами наводят на мысль, что рыбадные и плотоядные косатки являются, в сущности, разными видами. Правда, в дельфинариях они могут скрещиваться, а точнее, те и другие скрещивались с косатками из Северной Атлантики. Но в неволе многие виды

китообразных дают плодовитые межвидовые и даже межродовые гибриды. Например, в дельфинарии на Гавайях уже более 25 лет живет «вольфин» – от англ. *whale* (кит) и *dolphin* (дельфин) – по имени Кекаималу, гибрид дельфина-афалины и малой косатки. В отличие от многих других межвидовых гибридов, например мула – гибрида осла и лошади, Кекаималу оказалась плодовитой и родила троих детенышей от самцов-афалин³.

Но самыми убедительными оказались генетические различия: как выяснилось, рыбацкие и плотоядные косатки Тихого океана разошлись друг с другом сотни тысяч лет назад. Вообще ситуация с косатками сейчас напоминает ситуацию с родом *Homo* (человек) около 50 000 лет назад: существует несколько разных форм, часть из которых пересекается и может гибридизировать. У человека это были кроманьонцы, неандертальцы, денисовцы, флоресские люди и, по видимому, множество других. Косаточки «кроманьонцы» и «неандертальцы» – это тихоокеанские рыбацкие и плотоядные косатки, они даже в чем-то похожи: неандертальцы тоже были более хищными и жили небольшими группами. Как и косатки, кроманьонцы и неандертальцы на протяжении долгого времени обитали в одних и тех же районах и

---

³ Подобного рода скрещивания у дельфиновых и нарваловых случаются даже в дикой природе, в тех случаях, когда разные виды образуют так называемые межвидовые агрегации. Другое дело, что два экотипа косаток демонстрируют яркий пример репродуктивной изоляции, ведущей к образованию разных видов. – *Прим. науч. ред.*

даже иногда скрещивались друг с другом (а порой попадали друг к другу на обед – тут уж как повезет)⁴.

Кроме тихоокеанских экотипов, в мире существует еще несколько хорошо различимых разновидностей. Например, в Антарктике выделяют косаток типа «А», которые держатся поодаль от льдов и охотятся на китов, две ледовые формы – плотоядных охотников на тюленей и пингвинов типа «В» и рыбаодных типа «С», а также субантарктический тип «D». Ледовые формы отличаются от всех прочих характерной окраской – они не черные, а серые, а друг от друга – формой и размером заглазничного пятна. Кроме того, косатки типа «С» очень мелкие, почти пигмеи по сравнению с другими. А косатки типа «D» имеют и вовсе необычную внешность – у них вздутая, как у гринды, голова и очень маленькое заглазничное пятно. С «нормальными» косатками они не общаются, даже когда воруют рыбу с ярусов одного и того же судна.

В Северной Атлантике ситуация еще более запутанная. Самая частая добыча норвежских и исландских косаток – это сельдь. Но некоторые группы, обычно мирно кормящиеся ею, периодически бывают замечены в охоте на тюленей и дельфинов. Похоже, здесь разделение по пищевым привычкам идет между разными группами, а не между популяциями.

---

⁴ Разумеется, этот пример касается представителей рода *Ното*, поскольку случаи поедания рыбаодными косатками (кроманьонцами – по классификации автора) плотоядных (неандертальцев) учеными зафиксировано не было. – *Прим. науч. ред.*

ми, как в северной части Тихого океана и Антарктике. Интересно, что северотихоокеанские рыбацкие резиденты оказались генетически ближе к атлантическим косаткам, чем живущим бок о бок с ними плотоядным транзитникам. Многие специалисты склоняются к тому, чтобы официально признать их разными видами.

Наши первые находки

Всех косаток зовут Кевин. Но вы ведь это и так знаете, правда?

КРИСТОФЕР

МУР.

«ХВОСТОВОЙ

ПЛАВНИК» (FLUKE)

Камчатская природа чужда человеку и абсолютно безразлична к нему – тут нет ни домашней теплоты среднерусского леса, ни сказочного волшебства европейского Севера. Тут все очень большое – и человек кажется ничтожным, и очень отчетливо ощущаешь, что этот край ни доброжелателен, ни враждебен – он просто не замечает тебя. Поначалу это пугает, но потом начинает странным образом притягивать, и, отравленный неведомым ядом, ты тянешься к этим местам, стремишься приезжать сюда снова и снова, несмотря ни на что. В европейских сказках часто встречается тема героя, попавшего в страну эльфов. Когда он возвращается домой, все человеческое становится ему немило и влечет его только волшебная, но чуждая людям страна. Так же действует и Камчатка. Стоит побывать там – и мягкая красота среднерусской природы никогда уже не сможет полностью завладеть твоим сердцем, и самый прекрасный весенний лес в теплый солнечный день будет казаться бледным и бесцветным по сравнению с рыжими скалами, туманными сопками и вечным камчатским прибоем.

На этот раз мы приехали на Старичков в начале августа. Одной из первых наших задач стало определение состава семей. У китообразных есть два основных типа социальной организации. Один из них – так называемые «сообщества разделения-слияния» (по-английски они называются *fission fusion societies*, а адекватного русского термина пока никто не придумал). В таких сообществах состав групп очень изменчив – дельфин Петя, встреченный сегодня в обществе дельфинов Васи и Миши, на следующий день может ходить с дельфинами Ваней и Даней, и такая смена партнеров у них происходит постоянно. При этом все дельфины, обитающие в определенной акватории, знают друг друга и имеют какие-то персональные взаимоотношения, личные счета или, наоборот, симпатии. Типичный пример вида с такой социальной структурой – это всем известная афалина.

Противоположная стратегия – это стабильные семьи, основанные на родстве по материнской линии. В этом случае группа состоит из самки-матриарха, ее дочерей, внучек, правнучек и их неполовозрелого потомства. У некоторых видов в таких группах остаются и самцы, тогда семья включает также сыновей матриарха, сыновей ее дочерей, сыновей ее внучек и так далее – именно такая структура характерна для рыбоядных косаток.

После работ Майкла Бигга одним из основных методов изучения косаток стала фотоидентификация, поэтому первое, что делают исследователи, встретив их в море, – стара-

ются сфотографировать. С этого начинали и мы, и с каждой встречей наш фотокаталог пополнялся новыми животными. Такой на первый взгляд простой метод позволяет удивительно много узнать об их жизни, отслеживать ее изо дня в день, изучать взаимоотношения отдельных особей друг с другом. Можно выяснить, например, что за животные составляют отдельные группы – являются ли они родственниками, переходят ли из одной группы в другую.

Хэл старательно сопоставляла фотографии, сделанные во время встреч с косатками, и пыталась определить, кто из них относится к одной семье. Это оказалось не так-то просто – ведь, хотя члены семьи всегда держатся поблизости друг от друга, нередко они путешествуют вперемешку с животными из других семей, поскольку косатки довольно общительны. Семьи, входящие в одно сообщество, хорошо знают друг друга и часто ходят вместе. В летние месяцы они порой образуют скопления по 50 и даже по 100 особей – множество семей, собравшись вместе, общаются, играют, укрепляя социальные связи, и спариваются, чтобы дать жизнь новым членам группы. Поскольку самцы и самки в каждой семье – близкие родственники, партнеров для спаривания ищут в других семьях во время таких массовых «сходок». После плодотворного общения будущие отец и мать сразу возвращаются каждый в свою семью. Маленькая косатка никогда не узнает отца – зато она всегда под надежной защитой дядей и старших братьев.

Каждую косатку заносят в каталог под своим порядковым номером, но нередко они получают и имена. В Канаде и США, когда у косаток рождается новый детеныш, местные исследователи устраивают среди косаточьих фанатов целые конкурсы на лучшее имя. У нас же в водах Авачинского залива плавало множество безымянных косаток, так что каждый член экспедиции мог потренироваться в придумывании имен.

Первые имена нашим косаткам давала Хэл. Ее завораживало звучание некоторых русских слов – так появились Гусли, Арфа, Картина. Не обошлось и без Хуки – в каждой уважающей себя популяции должна быть косатка, носящая это имя. У нас их со временем стало даже два: старший и младший. Внешне они были очень похожи – обоих отличал крючковатый плавник и открытое пятно, хотя они принадлежали к совершенно разным семьям. Моим вкладом в историю стали Чиж и Дыркин (по именам соответствующих исполнителей – Чиж приезжал тогда с концертом на Камчатку, а песни Вени Дыркина мне просто очень нравились), а также Руадан – в честь нашей студенческой музыкальной группы.

С каждым годом каталог рос, и постепенно мы научились различать и узнавать семьи, регулярно посещавшие залив. Мы выяснили, что животные не переходят из одной семьи в другую, так что состав семей меняется, только когда кто-нибудь гибнет или рождается новый детеныш. Например, семью Гусли мы наблюдали ежегодно в течение многих лет.

Это была первая семья косаток, которую мы встретили в начале нашего проекта. Тогда она состояла из взрослой самки AV019 (Гусли), ее дочери-подростка AV020, молодого самца AV018 и взрослого самца AV021. В 2004 году у Гусли появился новый детеныш AV019а. В 2006 году дочка Гусли AV020 родила своего детеныша – AV020а, но к началу полевого сезона следующего года он, к сожалению, погиб (у косаток вообще довольно высокая смертность среди новорожденных, особенно среди первенцев). В 2012 году у Гусли родился еще один детеныш, который тоже погиб. В 2013 году погиб самец AV021, а у AV020 родился второй детеныш, который также не выжил. Но никто из животных, идентифицированных в 2000 году, не покинул семью, чтобы присоединиться к другим группам. Каждый раз, когда мы их встречали, они были вместе.

Моей главной задачей к тому моменту стало описание диалектов. В 1980-х годах канадский ученый Джон Форд выяснил, что для каждого племени косаток характерен уникальный набор стереотипных звуков – диалект. Племенем канадцы к тому времени называли несколько семей (или матрилий) косаток, которые больше половины времени проводили вместе. По-английски такое объединение называется *pod*, дословно это переводится как «стручок». В английском языке вообще очень странные традиционные названия для групп животных – например, стая ворон называется *murder* (дословно – убийство), а стая грачей – *parlament*. Отсюда же

закрепившееся в русском обозначение стаи львов – «прайд», что по-английски значит «гордость».

Понятно, что стручком группу косаток нам звать не хотелось, поэтому мы договорились по-русски называть «поды» племенами. Например, семья Гусли относится к племени, в которое входят еще четыре семьи – Кармен, Каби, Чайки и Хуки Младшего; их диалекты почти неразличимы без специальных измерений. Более крупная единица сообщества косаток – это набор племен со схожими диалектами (по строгому определению Форда – племена, у которых есть хотя бы один общий тип звука). То есть структура сообщества оказалась довольно сложной: самая мелкая единица – это семья, или матрилиния, состоящая из самки-матриарха, ее детей, внуков и правнуков; затем идет племя, включающее в себя семьи, которые часто ходят вместе и имеют одинаковый или очень схожий диалект. Племена с похожими диалектами, которые имеют хотя бы один общий звук, относятся к одному клану, а с совершенно различными диалектами – к разным кланам. При этом все они общаются между собой и, похоже, прекрасно понимают друг друга.

В первые годы нам встречались только рыбаодные косатки. Хэл, работавшая раньше в Британской Колумбии, все мечтала увидеть плотоядных. Однажды мы заметили маленькие фонтанчики белокрылых морских свиней в непосредственной близости от косаток. Хэл страшно возбудилась и, размахивая телевиком, попросила Колю как можно быст-

рее подъехать к животным. «Транзитники! Это может быть охота!» – восклицала она.

Но это оказались не транзитники, а наши привычные рыбацкие косатки в сопровождении группы белокрылых морских свиней. Свињи нисколько не боялись огромных родственников и, похоже, даже немного досаждали им своим суетливым мельтешением. Возможно, они надеялись поживиться остатками косаточьей трапезы или просто играли. Вообще, белокрылые морские свињи производят впечатление веселых беззаботных животных, основная цель жизни которых – найти себе какое-нибудь развлечение. Подобно многим мелким быстроходным дельфинам, они любят сопровождать суда, катаясь на носовой волне. Но нередко они следовали и за нашей маленькой лодкой, похоже просто ради удовольствия помериться скоростями, обдавая пассажиров и дорогостоящую технику тучами соленых брызг. Позже на Командорах мы наблюдали, как они донимают горбачей – морсвины сновали взад-вперед вокруг этих медлительных гигантов и, казалось, щекотали их под водой. Может быть, так оно и было – во всяком случае, однажды кит начал отмахиваться от хулиганов своим огромным хвостом.

Настоящих плотоядных косаток мы впервые встретили в 2002 году. Бурдин получил большой грант на учет китов и арендовал целое судно – краболов «Авачинский», чтобы пройти на нем вдоль восточного побережья Камчатки от Олюторского залива до мыса Лопатка. Первые косатки, ко-

торых мы увидели в этом рейсе, оказались довольно странными: три взрослых самца, у двоих из которых были упавшие плавники – у одного наполовину, а у второго полностью. Несмотря на плохую погоду, их удалось отснять и взять генетическую пробу. Вернувшись на судно, Бурдин и Хэл возбужденно рассматривали фотографии (тогда снимали уже на цифру) и тыкали в большие округлые пятна, соглашаясь друг с другом, что косатки, похоже, плотоядные.

В то время у меня было мало опыта, и возможность различать экотипы по форме пятен и плавников казалась мне сомнительной. Подобная точка зрения весьма характерна для новичков, поскольку разница между ними действительно не бросается в глаза и очевидна лишь опытному исследователю, пересмотревшему на своем веку тысячи фотографий. В тот раз наши руководители оказались правы – впоследствии генетический анализ подтвердил, что три странных самца относились к плотоядному экотипу. С тех пор прошло много лет, и мне не раз приходилось наблюдать, как очередной скептик с пеной у рта доказывает, что различить экотипы по внешним признакам невозможно. Многие из них, приобретя чуть больше опыта, сами впоследствии легко различали рыбаодные и плотоядные группы, но некоторые – особенно те, кто не работал с косатками в природе, – упорствуют до сих пор.

Плотоядные косатки в водах Камчатки очень редки – в первые годы мы не видели их вовсе, а потом, когда экспе-

диции стали длиннее, встречали их один-два раза за сезон. И лишь несколько раз мне удалось сделать качественную запись их звуков. Первый такой случай произошел на седьмой год нашего проекта, в 2005-м. В первый день осени, когда дети всей страны пошли в школу, погода с утра не предвещала ничего хорошего – было пасмурно и задувал ветерок, однако мы все же решили выйти в море. Подождав некоторое время возле острова, мы слышали очень далекие, едва различимые крики где-то в стороне мыса Опасный и двинулись туда. Полил дождь, но мы продолжали упрямо прыгать с волны на волну, приближаясь к цели. Уже возле Опасного, послушав снова, мы локализовали звуки более точно и, кроме того, обнаружили, что они нам совершенно незнакомы и вообще не похожи ни на что, слышанное от камчатских косаток прежде. Мы сразу забыли про дождь (который, кстати, к тому времени прекратился) и волны (которые, к сожалению, остались) и рванули туда, откуда доносились крики.

Через несколько минут мы увидели косаток. Их было всего две – видимо, мать с подростком. Самка имела типичный «транзитный» острый треугольный плавник и далеко заходящее вперед седловидное пятно. На пятне отчетливо виднелись черные точки – укусы маленьких светящихся акул *Isistius brasiliensis*, которые водятся только в теплых водах⁵. На пятнах наших рыбадных косаток такие отметины встре-

---

⁵ Своеобразные акулы-паразиты, отщипывающие кусочки кожи у морских млекопитающих, крупных рыб, а при случае и у ныряльщиков. – Прим. науч. ред.

чаются очень редко – по-видимому, они почти не заходят так далеко на юг.

Но несмотря на то что это были явные плотоядные транзитники, они постоянно кричали. Обычно косатки этого типа очень молчаливы, потому что тюлени, дельфины и киты – их добыча – прекрасно слышат издаваемые ими звуки и достаточно умны, чтобы связать их с присутствием хищника. Это рыбаоядные косатки могут кричать в свое удовольствие – рыба плохо воспринимает высокочастотные звуки, да и все равно не поймет, что ей грозит опасность. А плотоядным лучше молчать, чтобы их не заметили раньше времени. Но наша парочка кричала без умолку, причем постоянно повторяла одни и те же два типа звука, как будто звала кого-то. Их было трудно увидеть из-за высоких волн, и мы постоянно теряли их, но по крикам находили снова и снова. Мы прошли за ними до Вилючинской бухты, но потом нам пришлось оставить их из-за непогоды, так и не выяснив, кого они так отчаянно призывали. Много лет спустя Волкер Дике, исследовавший транзитников в Канаде, рассказал мне, что такое поведение иногда встречается и у них: когда животные не охотятся, а ищут друг друга, они могут подолгу издавать громкие дальнедистантные крики.

Другая интересная встреча с транзитниками произошла у нас год спустя. Мы дрейфовали в море напротив Старичкова в ожидании косаток, и вдруг прямо вблизи лодки над водой показались несколько черных плавников. Позже, с опытом,

мы узнали, что такое поведение типично именно для плотоядных косаток – они внезапно появляются из ниоткуда прямо рядом с лодкой, «проверяют» ее и так же стремительно исчезают. Рыбоядные косатки лодками обычно интересуются мало – разве что любопытные подростки, которым нечем заняться. Для транзитников же такие рекогносцировочные налеты, по всей видимости, связаны с поисками зазевавшегося тюленя или другого съедобного объекта.

Косатки занырнули несколько раз в направлении лодки, осторожно обошли ее и двинулись своим путем. Шли они на юг, но зигзагами, с занырами в разные стороны. Под водой они находились подолгу – минут по десять, а потом, чтобы отдышаться, делали по пять – семь вдохов-выдохов. Они не лоцировали, не кричали, и даже выдохи у них были тише и осторожнее, чем у резидентов. Мы прошли за ними несколько километров, когда рядом с нашей лодкой неожиданно вынырнул малый полосатик. Он был мелкий, видимо подросток. Косатки шли чуть дальше и несколько раз занырнули в разных направлениях – возможно, пытались найти китенка. Но полосатику повезло – минут через десять мимо на полной скорости пролетел большой катер, отсекая его от косаток, и, похоже, после этого они его потеряли.

Вскоре мы слышали в гидрофон далекие звуки резидентов. Транзитники отошли дальше в море и севернее, словно избегая встречи с ними, а затем снова повернули на юг. Пройдя за ними километров пятнадцать, мы решили проиг-

рать им записи прошлогодних транзитников. Вопреки ожиданиям, они ничуть не обрадовались крикам возможных родственников и не только не ответили, но, наоборот, ускорили движение, сократили дыхательные паузы и перестали рыскать. Напротив бухты Саботажной мы снова услышали крики резидентов, которые шли ближе к берегу. Группа транзитников отвернула в море, и на этом мы с ними расстались, чтобы переключиться на резидентов.

В первые годы у нас были две отдельные команды – береговая, занимавшаяся теодолитным слежением за косатками, и лодочная, которая фотографировала животных, записывала звуки и брала биопсию. Теодолит – это прибор, позволяющий точно определить расстояние и пеленг на объект по углам наклона и горизонтального поворота наведенного на него окуляра; он обычно используется в строительстве для землеустройства и разметки расположения будущих зданий. «Китятники» приспособили его для своих целей: наблюдая за китом с берега в теодолит, можно с высокой точностью восстановить трек его движения по акватории – это позволяет оценить использование пространства и реакцию животного на внешние раздражители.

С годами теодолитные исследования постепенно свернули, зато лодок вместо одной стало две – первая занималась фотоидентификацией и биопсией, а вторая, наша, предназначалась исключительно для акустических исследований. Это стало возможно благодаря гранту фонда Руффорда, ко-

торый я получила в 2004 году, – на него мы купили вторую лодку, маленький «Зодиак» 3,8 метра длиной. Вообще, по-хорошему, для нормальной работы в море лодка эта была слишком мала – на самой легкой волне она подпрыгивала, как мячик. Но мы радовались тому, что имели, и упорно работали на нашей малютке вплоть до 2009 года, когда окончательно переместились на Командоры, оставив в Авачинском заливе команду студентов под руководством Тани Ивкович. Она к тому времени стала главным фотоидентификатором камчатских косаток.

Впервые Таня, тогда 18-летняя студентка Санкт-Петербургского университета, приехала в нашу экспедицию в 2002 году. Свой первый сезон на острове Старичков она провела главным образом в составе береговой команды, стойко перенося нападения чаек и прочие невзгоды. На следующий год Александр Михайлович предложил ей заняться фотоидентификацией, чтобы помогать Хэл. Той было тяжело работать с нами – ее сбивали с толку и возмущали чисто российские бардак и хаос, царившие тогда в организации экспедиции и в отношениях между людьми. Так что постепенно она отошла от участия в проекте и сосредоточилась на организации вейлвотчинга (туризма по наблюдению за китами) на севере Хоккайдо, а вся фотоидентификация досталась Тане. Надо признать, Таня довольно быстро достигла того, что не удавалось Хэл, – уже в 2004–2005 годах она определила состав основных семей, чаще всего встречающихся в Авачин-

ском заливе. Тогда и у меня появилась возможность описать наконец диалекты – раньше Хэл выдавала в качестве результата длинные эксель-простыни со встречами каждой особи, а Таня могла сказать, когда какую семью мы видели, и, сопоставив эти данные со звукозаписями, можно было определить набор звуков, характерный для каждой семьи.

Сразу выяснилось несколько интересных вещей. Во-первых, мы обнаружили два акустических клана косаток, которые имели совершенно разные репертуары звуков, но никак особенно не выделялись по социальным связям, – семьи из разных кланов общались между собой точно так же, как семьи одного клана. Если бы не звукозаписи, мы никогда и не догадались бы, что семьи AV140, Командора и Цезаря чем-то принципиально отличаются от других. Но по звукам их легко узнать даже на слух, без просмотра сонограмм, по которым я обычно различаю диалекты. Их клан получил название K20 по номеру самого характерного для них типа звуков. Другой клан, к которому относились все прочие описанные к тому моменту семьи, мы назвали просто Авачинским – по названию Авачинского залива, в котором проходила наша работа. Чуть позже мы обнаружили и третий клан – K19, который посещает Авачинский залив лишь изредка, зато довольно часто встречается на Командорах.

Первая наша встреча с кланом K19 была весьма запоминающейся. В тот день мы долго болтались напротив мыса Опасного, ожидая косаток. Наконец услышали далекие крики и с

удивлением обнаружили, что они доносятся со стороны моря. Наши косатки чаще всего ходят вдоль берега, да и крики были незнакомые, так что мы сразу поняли, что нас ждет что-то необычное. Ориентируясь на звуки, мы нашли косаток в 13 километрах от берега – так далеко в открытое море мы еще не уходили. Более того, они продолжали решительно удаляться, уведя нас под конец дня на 30 километров от берега – и это на двух маленьких «Зодиаках»! Косаток было много, и все незнакомые. К моей огромной радости, они оказались довольно разговорчивыми и пополнили наш каталог новыми типами звуков. Поначалу мы решили, что это могут быть так называемые офшорные, то есть держащиеся вдали от берегов, косатки. Но через пару недель мы снова встретили их в компании с нашими обычными группами и поняли, что это тоже резидентные косатки, просто с немного не такими привычками, как у авачинских.

В тот день нас ждала еще одна необычная встреча. Переходя от одной группы к другой, мы вдруг увидели небольшие «пушистые» фонтаны и длинные темные тела. Издалека они несколько напоминали малых полосатиков, но те обычно не ходят большими группами, да и фонтан у них, как правило, незаметен. Пока мы на полном ходу неслись к загадочным китам, у меня мелькнула мысль: «Северные плавунны!» Перед сезоном коллеги показывали фотографии плавунов из рейса по Курилам, и эта группа была очень на них похожа. Нам повезло – мы успели подъехать и отснять их на

фото и видео прежде, чем они запырнули. Эти киты питаются глубоководными кальмарами и встречаются в основном над шельфовым склоном – свалом глубин, а на мелководье почти не заходят. В Авачинском заливе нам больше не приходилось встречать их, так как мы очень редко отходим так далеко от берега, и следующая встреча состоялась только три года спустя на Командорских островах, где свал глубин проходил всего в нескольких километрах от нашего лагеря.

Описав вокальные диалекты всех трех камчатских кланов и сравнив их с сонограммами в статьях Джона Форда, я выяснила еще одну интересную вещь. Оказалось, что у камчатских косаток репертуары звуков в целом значительно менее разнообразны, чем у канадских. Все косатки Авачинского клана издают четыре основных типа звуков – K1, K5, K7 и K12, хотя форма этих звуков у разных семей несколько различается. Другие типы звуков встречаются не у всех семей, а только у части из них: например, звук типа K17 встречается только у семей, принадлежащих к племенам 0209 и Немо, а звук типа K27 – только у семьи Хуки. Посмотрев на сонограммы, можно отличить каждое племя, а вот семьи внутри племен различаются очень слабо.

Кланы K19 и K20, хотя и используют в своих репертуарах не те типы звуков, что Авачинский клан, тем не менее отличаются от него и друг от друга намного меньше, чем канадские кланы A, G и R из Британской Колумбии. С чем это связано, не очень понятно. Возможно, они просто не так

давно произошли от одного общего предка, и диалекты не успели достаточно сильно измениться. Но более вероятной мне представляется версия, что это связано с размером популяций и образом жизни. Канадские северные резиденты составляют небольшую изолированную популяцию численностью около 250 особей, они не общаются и не скрещиваются с живущими поблизости южными резидентами. Камчатские же косатки, похоже, составляют гораздо более открытое и многочисленное сообщество. Помимо «местных» животных, регулярно из года в год встречающихся в Авачинском заливе, мы каждый год регистрируем какие-то новые семьи, которые могут прийти один раз и никогда не появиться снова, – и «местные» косатки с удовольствием общаются и спариваются с ними. Получается, что, хотя основное ядро авачинского сообщества составляют примерно 200–300 животных, общая численность популяции существенно выше, а вероятность близкородственного скрещивания, соответственно, ниже. Канадским косаткам из разных кланов выгодно иметь как можно более непохожие диалекты, чтобы подчеркнуть свои различия и подтолкнуть самок к выбору неродственных самцов. Когда канадский исследователь Ланс Барретт-Леннард проанализировал отцовство среди северных резидентов, выяснилось, что отец детеныша чаще всего относится к другому клану. А вот камчатским косаткам скорее актуально подчеркивать сходство, а не различия – ведь когда незнакомая группа приходит издалека, местным косат-

кам, которые, вообще-то, не слишком жалуют чужаков, нужно определить, что гости относятся к тому же самому сообществу и надо принимать их как друзей. Поэтому, возможно, камчатские диалекты сохраняют общие черты даже у разных кланов.

Получив первые результаты, мы стали задумываться о публикациях. В современной фундаментальной науке это основной «продукт», который ученые выдают во внешний мир и по которому оценивается их работа. Тут есть много нюансов – например, существуют неплохие научные группы, которые ведут качественные исследования, но мало публикуются, а другие штампуют статьи одну за другой на одном и том же материале, лишь немного смещая акценты и переставляя слова. Но подобно тому как «демократия – наилучшая форма правления, если не считать всех остальных», так и оценка ученых по статьям – плохой, но на данный момент единственный реально работающий способ.

На самом деле первые результаты своей работы мы представили миру еще в 2002 году – так совпало, что на третий год нашего проекта пришелся четвертый Международный симпозиум по косатке, проходивший на биостанции Чизе во Франции. Первые три симпозиума по времени не слишком сильно отстояли от четвертого, а вот после него наступил перерыв почти в два десятка лет, так что нам очень повезло, что на заре своей «китовой карьеры» мы смогли лично познакомиться с корифеями – Джоном Фордом, Лансом Бар-

ретт-Леннардом, Кристофом Гуине и другими. Мы поехали туда втроем – Карина, еще одна студентка и я, каждая со своим постерным докладом. Бурдин, конечно, тоже приехал на симпозиум с докладом, но самое главное – мы наконец-то встретились с загадочным содиректором нашего проекта Эрихом Хойтом.

Эрих оказался просто волшебным – совершенно обычный на первый взгляд человек, при личном общении он как будто светится каким-то внутренним светом доброжелательности и уважения к собеседнику. И это оказалось не эффектом первой встречи, а его нормальным состоянием: после знакомства на симпозиуме мы регулярно переписывались по разным деловым вопросам, встречались на конференциях и в экспедициях, и он неизменно был таким – очень корректным, безупречно держащим дистанцию, но при этом очень теплым и добрым. Он стал настоящим отцом нашего проекта – не только и не столько потому, что находил для него финансирование, но прежде всего потому, что всегда вдохновлял и поддерживал нас.

В 2006 году Эрих впервые приехал к нам в экспедицию на остров Старичков. Честно говоря, мы ждали этого события с некоторой опаской, так как жить и работать с человеком в экспедиции – совсем не то же самое, что встречаться и сотрудничать с ним в цивилизованной жизни. Мы заранее ожидали, что он приедет и возьмет на себя руководство – во сколько вставать, при какой погоде выходить в море, как ра-

ботать с косатками. Подобное вмешательство в налаженный экспедиционный процесс обычно не приносит никакой пользы, но что поделаешь с начальством. Однако с Эрихом все оказалось иначе. Он не только не пытался командовать, но, наоборот, всеми силами старался не мешать и по мере возможности помогать (он даже попытался включиться в процесс дежурства по кухне, чего ни Бурдин, ни Хэл не делали никогда). Живя с нами, он проявлял удивительную деликатность даже в мелочах, оставаясь веселым и жизнерадостным и тогда, когда косаток не было и приходилось целый день без дела болтаться в море в маленькой лодке. Под конец его пребывания у нас выяснилось, что Эрих в молодости был музыкантом: перед отъездом он организовал маленький джазовый ансамбль – в ход пошли гитара Миши Нагайлика, не знавшая до этого ничего сложнее авторской песни, губная гармошка, которую Эрих привез с собой, и банка сахара в роли перкуссии.

В тот день, когда мы в первый раз вышли с Эрихом в море, погода была прекрасной – почти штиль и легкая облачность. За мысом, когда свежий морской ветер пахнул нам в лицо, Эрих обернулся ко мне и сказал: «Как же я люблю это первое дыхание ветра, когда выходишь в море!» Я часто вспоминаю эту его фразу, почувствовав первое дуновение ветра на лице, хотя далеко не всегда оно бывает таким ласковым и желанным, как в тот раз.

С косатками Эриху повезло – было начало августа, и мы

видели их помногу почти ежедневно. В первый же день мы встретили скопление из нескольких семей – Галкина, Призрака, Дыркина и Фигурного. Пока мы пытались объяснить Эриху, что значат эти имена и за что мы их так назвали, он фотографировал нас на фоне косаток на цифровую «мыльницу» (мобильников с камерой тогда еще не было), и внезапно прямо рядом с лодкой из воды вышел крупный самец Галкин – Эрих успел запечатлеть его во всей красе, и потом этот снимок вошел в несколько популярных статей о нашей работе.

Эрих родился в США, жил в Канаде, потом женился на англичанке и переехал в Великобританию. С косатками он впервые встретился в Британской Колумбии на заре их исследований в 1970-х годах в составе команды киношников, снимавших о них фильм. Он не планировал задерживаться там надолго, но был так очарован этими существами, что стал возвращаться в пролив Джонстона снова и снова и в итоге провел с косатками семь летних сезонов и написал об этом книгу «Косатка – кит, которого называют убийцей» (Orca: The Whale Called Killer), которая переиздается до сих пор, хотя со дня ее первой публикации прошло больше 30 лет.

Сейчас Эрих занимается в основном продвижением на разных уровнях идеи создания охраняемых морских акваторий для китов и дельфинов и проводит большую часть времени на круглых столах и конференциях, обсуждая и отшлифовывая эту концепцию в дискуссиях с самыми разны-

ми специалистами – от биологов до политиков. Несколько его проектов уже реализовалось в виде реальных охраняемых акваторий, созданных в тропических морях.

Наш проект тоже изначально задумывался как природоохранный: уже тогда, на рубеже веков, существовали опасения, что после Канады и Исландии массовый отлов косаток начнется в России. По опыту Британской Колумбии было известно, что реальная численность этих животных обычно оказывается существенно ниже, чем предполагают эксперты до начала исследований. В Канаде отлов косаток прекратился как раз после того, как в результате подсчетов выяснилось, что их не несколько тысяч, а всего лишь пара сотен. Поэтому одной из первых задач нашего проекта стала оценка численности и статуса популяции камчатских косаток.

Впрочем, Эрих никогда не возражал против исследований, не направленных напрямую на решение этой задачи, – напротив, он всячески одобрял и поощрял любые работы, которые позволяли узнать что-то новое о наших косатках. Некоторые сомнения возникли у него только по поводу отбора проб биопсии. Эти пробы берутся с помощью арбалета, в котором используется специальная стрела с поплавком и металлическим наконечником в форме трубки, – стрела не втыкается в тело, а отскакивает, захватив только кусочек кожи и жира размером примерно с ластик на обратном конце карандаша. Такая методика отбора проб биопсии китов используется уже много лет во всем мире и не наносит живот-

ным никакого вреда, поэтому в конце концов Эрих смирился и с ней, ведь ценность полученных данных существенно превышала то небольшое неудобство, которое процедура доставляла косаткам. Из кусочка кожи можно выделить ДНК и провести генетический анализ, можно поместить его в спектрометр и провести анализ стабильных изотопов, а из жира можно выделить загрязнения и гормоны – в общем, биопсия открывает массу новых возможностей.

Уже в начале 2000-х годов пошли слухи, что ООО «Утришский дельфинарий» планирует начать отлов косаток в водах Камчатки. Эта компания принадлежала Льву Михайловичу Мухаметову, который в советское время был известным исследователем китообразных, – именно под его руководством был открыт однополушарный сон у дельфинов. Большую часть своей жизни он проработал на Утришской биологической станции, где содержались дельфины, использовавшиеся для исследований. В 1990-е, когда советская система финансирования науки развалилась, часть биостанции превратилась в коммерческую компанию, деятельность которой помогала частично оплачивать содержание «научных» дельфинов. Заключалась эта деятельность в показе представлений, а также в отлове диких животных, их приручении и продаже в другие дельфинарии, по большей части заграничные. В основном продавали белух и ластоногих, но по сравнению с ними косатки стоили баснословных денег, и Утришский дельфинарий решил освоить новую нишу.

В конце августа 2003 года нанятый ловцами рыболовный траулер «Назимово» вышел в море на поиски косаток. Первые попытки отлова были неудачными – косаток никак не удавалось быстро обметать сетью, и животные с легкостью уходили из обмета. Но 26 сентября попытки наконец увенчались успехом – то ли косатки замешкались, то ли ловцы научились работать быстрее, но им удалось окружить животных и замкнуть обмет. Случилось это прямо в Авачинском заливе, километрах в 15 южнее Старичкова, и в обмете оказалось несколько хорошо знакомых нам семей, в том числе семьи Хуки и Немо.

Наша экспедиция к тому времени уже закончилась, так что мы узнали о происходящем от знакомого инспектора Камчатрыбвода Виктора Сергеевича Никулина, который находился на судне в целях надзора за процессом отлова. Он снял все на видео, и впоследствии эти кадры разошлись по всему миру, собрав тысячи просмотров на Ютубе. На них видно, как косатки мечутся в обмете, а потом часть из них начинает уходить через верх, наваливаясь на плавающий по поверхности край сети. К сожалению, уйти смогли не все. Кадры бьющейся в сети молодой косатки сопровождаются комментарием координатора отлова: «Ну ничего, утонет – х** с ним, мы его возьмем». Он, конечно, не догадывался, что его слова запишутся на камеру и войдут в историю, но вот что он имел в виду, для чего хотел забрать утонувшую косатку – для меня до сих пор остается загадкой.

Виктор Сергеевич впоследствии так описывал происхождение: «Мы сделали десять неудачных попыток обмета разных групп косаток в Авачинском заливе, но каждый раз они легко уходили. И в тот день я был в полной уверенности, что животные не попадутся. Дело происходило по-прежнему в Авачинском заливе, около бухты Саботажной. Небольшая группа косаток медленно смещалась к югу от мыса Опасного в сторону бухты Жировой. Их было семь, и, хоть это было нарушением правил отлова, решили рискнуть. Звери кормились и на судно особого внимания не обращали. Мы их перехитрили – сделали пару кругов, усыпив бдительность, а потом уже начали обмет. В последний момент внутри невода непонятным образом обнаружилось более двух десятков косаток, но обмет уже завершили. Повторяю, я до последнего момента был абсолютно уверен, что они снова удерут. Звери стали метаться внутри невода. Неразбериха продолжалась несколько минут, потом взрослые двинулись в сторону кормы судна и стали уходить через верх невода. Происходило это удивительным образом: косатка подходила вплотную к поплавкам, а затем боком переваливалась через них, совершая оборот через спину, брюхом кверху. Молодые тем временем бросились к носу судна и пытались прорваться насквозь. Один небольшой зверь при этом запутался. Его грудной плавник угодил между буйком и стальным тросом, идущим по верхнему краю невода. Косатка билась, ее необходимо было распутать. А водолазы, до этого ходившие героя-

ми, на деле таковыми не оказались и побоялись спускаться. Их пришлось чуть ли не пинками гнать с палубы в воду. Все это заняло некоторое время. Потом косатку все же удалось отпутать, ее подняли на палубу. И только когда стали поднимать невод, обнаружился другой зверь, который запутался в сети на глубине. Он был тоже молодой и по размерам меньше первого. Пока возились с первой косаткой, другую не заметили, и она утонула. С погибшей косатки взяли пробы для генетики, а труп поднимать на палубу не стали. Это отняло бы время, а надо было спасти живую. Поэтому невод разрезали, и труп ушел под воду».

С пойманной самкой-подростком на борту судно полным ходом двинулось в Авачинскую губу, где был установлен плавучий вольер для пленницы. Несколько дней ее держали там, готовясь к отправке, и пытались кормить рыбой, но косатка наотрез отказывалась от еды и только кружила взад-вперед по вольеру. Одиночество для рыбацкой косатки – сильнейший стресс, ведь они всю жизнь проводят в компании ближайших родственников.

Все эти дни, что косатка провела в неволе, я не могла перестать думать о ней. Я представляла себе, как она мечется в вольере, не в силах понять, что за кошмар с ней происходит, представляла себе ее страх и отчаяние. Хуже всего было то, что всего лишь месяц назад мы наблюдали, как этот подросток радостно плавает, охотится и играет в кругу семьи, не подозревая, какая жуткая судьба его ожидает. Мы не сумели

защитить наших косаток от отлова и ничем не могли помочь пленнице – у нас не было ни связей, ни опыта публичных кампаний, и все, что мы были в силах сделать, – это писать о происходящем на нашем сайте, который посещали от силы десятков человек в день.

В начале октября косатку самолетом перевезли через всю страну в Утришский дельфинарий на Черном море и поместили в бассейн, в котором ветеринарам было проще проводить с ней различные процедуры, чем в плавучем вольере в Авачинской губе, – ей делали инъекции, чтобы поддержать иммунитет и предотвратить обезвоживание, и пытались насильно кормить. Но ничто не помогало – пару дней спустя косатка стала проявлять явные признаки болезни: меньше двигалась, зависала на поверхности, дышала с трудом. Девятнадцатого октября она умерла, проведя в неволе меньше месяца. Причину смерти определили как «пневмония».

Первый отлов косатки в России вызвал большой резонанс за рубежом – письма от природоохранных организаций и известных людей ворохом посыпались в Утришский дельфинарий и в Министерство природных ресурсов (впрочем, все они получили в ответ обычные чиновничьи отписки). А вот у нас в стране это событие было встречено полным игнором со стороны как журналистов, так и природоохранников. Единственным публичным источником, где освещалось происходящее, был сайт нашего проекта, а единственными русскими, кроме нас, кого это хоть немного волновало, был деся-

ток разбросанных по стране фанатов косаток, общавшихся на нашем форуме. Ни одна природоохранная организация – а они в те годы работали в России очень активно, еще не задавленные шпиономанией и законом об иностранных агентах, – не обратила на это событие ни малейшего внимания. Даже российские отделения крупных зарубежных организаций – WWF и Гринпис – хранили гробовое молчание, и лишь Мария Воронцова из IFAW направила запрос в Госкомрыболовство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.